

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
МОЛДАВИЯ

от .

5 НОЯ. 1981

г. Кишинев

СТИХОТВОРЕНИЕ это входит в цикл «Песни матери» из сборника «Имя твое» (издательство «Советский писатель», перевод Якова Акима). В цикле — 27 стихотворений, слагающихся в гимн Матери.

Восславление Матери — один из «китов», на котором строит мир поэзии Григоре Виеру.

Это поэзия высокая и трогательная, в ней любовь и жертвенность преданного сына.

Это всегда истинная поэзия, всегда «езда в незнаемое», ибо в ней нет ни стертых строк, ни стертых образов. Сколько стихов на всех языках посвящено материнским рукам, но кто сказал о них так, как Виеру, просто и пронзительно: «От времени и труда пальцы маминь стали тоненькими, как свечки». Или: «О, ее рука, о, ее рука — ветвь, увядшая на склоне дней, состарилась на голове моей...» У кого есть такая щемящая «Колыбельная» мамы с ее строками: «Спи! Увидь себя во сне девушкой на волне, девочкой в песочке мелком с черепком цветной тарелки...» «Мама, ты родина моя!» восклицает поэт в другом стихотворении.

Образ Матери и образ родной земли сплетены и неразрывны у Григоре Виеру. Поэт, по собственному признанию, «навек с землей родимой».

Из его строк и многих других и слагается биография поэта. Можно, конечно, открыть один из томов Краткой литературной энциклопедии и прочитать там, что Григоре Виеру родился в селе Перерыта Бричанского района, окончил Кишиневский педагогический институт, печатается с 1954 года, лауреат Государственной премии республики, стихи его переведены на многие языки народов

СССР... Но лучше все-таки последовать за строкой поэта. И тогда мы прочитаем в стихотворении «Анкета»:

- Год рождения?
- Тот юный год,
когда мать и отец
полюбили друг друга...
- Профессия?
- Край своей любви.
- Родители?
- Мать.
- Одна только мать.
- Как зовут ее?

220 ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

НАВЕК С ЗЕМЛЕЙ РОДИМОЙ...

Картина называлась «Рубахи». Ее видели посетители многих выставок. Маститого живописца Михаила Греку воодушевило одноименное стихотворение Григоре Виеру. Раскройте сборник поэта и прочитайте эти стихи. Образ матери, стирающей рубахи погибшего сына, трагичен. Но бессмертно предназначение женщины-Матери, а, стало быть, бессмертна вера матери в возвращение сына: «что он наденет, если вдруг вернется скоро?» — такой строкой заканчивает автор.

- Мама.
- Род занятий ее?
- Ожидание...
- Есть ли родственники за границей?
- Да, отец.
- Похоронен в чужой стороне
в 1945-м.

Эти строки, удивительные по образности и эмоциональному напряжению, невозможно пересказать, как невозможно пересказать истинную поэзию, — их надо цитировать, ибо в них главенствует образ, а не слово. Причем, образ этот, как уже говорилось, свеж, часто неожидан, но всегда точен. Вот почему столь выразительны и доходчивы стихи Виеру, обращенные к детям. Дети и детство — другой «кит» поэтического мира Григоре Виеру: кажется, он сам сумел сохранить и ясный взор, и чистую душу ребенка.

Его нередко сравнивают

с волшебником, и сравнение это стало уже расхожим. Но применительно к стихам Виеру, адресованным детям, оно более чем уместно. Поэт смело обращается к детской фантазии, веря в ее способность расцветить мир, сделать невозможное возможным: «Вот зажглась над нами Радуга цветная. Мы б ее сумели превратить

ность. Для этого надо вооружить глаза очками, которые смастерил поэт. И тогда сквозь них можно увидеть алый час и час голубой, час зеленый и час тихий... Как сквозь волшебные цветные стеклышки детства, за которыми открывается радужный и радостный мир.

В минувшем году в издательстве «Детская литература» вышла книжка Григоре Виеру «Веселая азбука». Уж, кажется, трудно состязаться с такими корифеями поэзии, как Самуил Маршак или, скажем, Юлиан Тувим, наделившими букву волшебным ключиком, которым ребенок может ее «отомкнуть». Однако же и здесь у Виеру ключик свой, неподражаемый. Гляньте-ка, на что похоже, например, «И»: «Тополь под горой стоит. Птичка к тополю летит». А еще эта буква живет вот где:

- Ой-ой-ой! — сказал Ой-ой.
- Я, мой друг, совсем больной!
- Ты пойдик-на погуляй!
- Все пройдет! — сказал Ай-ай.

Так Григоре Виеру стал любимцем детворы — и не только молдавской, хотя популярность его среди маленьких читателей республики, конечно, опромна. Вот почему можно считать закономерным, что поэт вместе с известным прозаиком Спиридоном Вангели стал автором — составителем первой и главной книги ребенка — Букваря — Абecedаря.

Букварь может быть сухим и строгим, а может быть добрым, веселым и смелым. Вот именно таким постарались сделать его Виеру и Вангели, чтобы он учил не только грамоте, но и любви к людям, доброте, справедливости.

Когда у поэта большое сердце, тогда у него появляется и такое вот большое детище, как Абecedарь. Это тоже своего рода закономерность.

Руфин ГОРДИН.

в качели...» По велению поэта радуга становится качелями: «...все детишки мира, ну-ка с нами вместе на небо залезьте!» Можно ли устоять перед таким приглашением.

Виеру зовет читателя приглядеться к деревьям. Нет, они вовсе не на одно лицо. Елки, например, бывают веселые и грустные. А коли так, то «из грустных елок бумага выйдет грустная, зато уж из веселых — веселая, я чувствую!» Ну и соответственно, когда прибывают письма то в тот, то в этот дом, «в одном окне смеются, печалятся в другом».

Мир прекрасен, мир необыкновенен — утверждает автор. И ведет юного читателя за открытиями. Да, можно быть открывателем там, где, казалось бы, господствует сама обыден-